
Герман Гессе
ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Перевод с немецкого О.А. Комкова

СВЯЗЬ

Когда в тиши нам слышится порой
Умолкших древле песен близкий звук,
Смущенным сердцем, полным тайных мук,
Мы чуем зов томительно-родной.

Сердца людские накрепко сцепил
С бездонным сердцем мира властный рок,
Что сну и яви отмеряет срок
В согласьи с ходом Солнца и светил.

И дикой страсти сумрачный угар,
И дерзость грез, что лихорадят грудь, —
Божественного Духа грозный дар.

Мы с факелом в ночи свершаем путь,
От века рдеет в нас священный жар
И новых солнц взыскует наша суть.

<Февраль 1912>

ДЕТСТВО

Далекий, милый дол,
Ты околдован снами.
Как часто средь невзгод и зол
Из глубины, оваянной тенями,
Ко мне ты устремлял волшебный взгляд —
И, мигом сладостным объят,
В тебе тонул я всякий раз!

О смертный час,
О мрачных врат зиянье,
Пролей целебное сиянье,

Верни меня из пошлой жизни
Назад в мой сон, к моей отчизне!

<12.3.1912>

КРАСАВИЦА

Как новой куклой тешится дитя,
Любуется, с восторгом теребя,
А порезвившись, разобьет шутя, —
Так сердце, что дано тебе во власть,
Ты разбиваешь, наигравшись властью,
И боль его не трогает тебя.

<Май 1912>

СЕНТЯБРЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Дождь наполняет листву монотонно-торжественной песнью,
Вновь над лесистым хребтом реет испуганно мгла.
Близится осень, друзья, затаилась в темнеющей чаще;
Тускло взирают поля, с птичьей прощаясь гурьбой.
Но тяжелеет лоза винограда на солнечном склоне,
Тайной отрады тепло в благодатных зреет плодах.
Всё, что доныне еще зеленеет, шумливо и сочно,
Скоро, поблекнув, уснет в гибельной снежной тиши;
Разве в искристом вине да в улыбке лоснящихся яблок
Будут, мерцаая, играть отблески солнечных дней.
Так же стареет душа и вкушает зимой затяжную
Сладостно-греющий дар — воспоминаний вино;
Только виденья давно отпылавших восторгов и весен
Танцем безмолвных теней в сердце блаженно кружат.

<Сентябрь 1913>

ОТВЕРЖЕННЫЙ

Вихрем выются тучи,
Сосны гнутся круче,
Багровеет мгла,
Над горой и долом,
Как во сне тяжелом,
Божья длань легла.
Столько лет без крова,

И нигде родного
Не найти угла!
Тьмой покрыто время;
На душу, как бремя,
Божья длань легла.

И в греховной страсти,
В темной адской пасти
Брезжит слабый свет:
Зреть покой, как чудо,
В том краю, откуда
Возвращения нет.

<Сентябрь 1913>

ОДИНОКИЙ — БОГУ

Один стою я, изглоданный ветром,
Нелюбимый и брошенный,
Во враждебной ночи.
Тяжелеет душа и полнится горечью,
Когда думаю я о делах Твоих,
Слепой Бог, полный жестокости,
Вечно творящий непостижимое.
Почему позволяешь Ты, всемогущий,
Почему позволяешь Ты собакам и свиньям
Вкушать блаженство, которого
Напрасно жаждут чистые сердцем?
Почему Ты бичуешь меня, любившего Тебя,
Гонишь меня одного сквозь ночь,
Почему лишил Ты меня всего,
Что даешь любому из презренных?
Редко роптал я и еще реже
Негодовал на Тебя;
Многие годы жизни отдал я с верой
Служенью Тебе, называл Тебя Господом, Богом,
Видел в Тебе венец и смысл моего бытия;
Часто брел я в потемках,
На ощупь ища добра, и всегда лишь любовь,
Благо и чистота были мне высшей целью.
Но Ты, ублажая врагов моих,

Не исполнил ни единой моей мечты,
Ни единой просьбе не внял!
Отродясь я не знал ничего, кроме борьбы и пота,
А в доме напротив, где живет радость,
Слышались звуки танцев и пел сладкий голос.
Но что же сделал Ты, мой мучитель,
Когда однажды, в слепой надежде,
Открыл доверчиво сердце я нежной возлюбленной, —
Столько излил на меня Ты презренья,
Что я в гневе бежал, подгоняемый женским смехом!
Ныне ж, один, без веры в счастье,
Ночью без сна и днем в сомненьях,
Брожу я, безбожник, по этому миру,
Что стал мне мукой, а Тебе — мрачным позором.
И всё же, о Бог, даже когда Твой перст глубоко
В слепом сладострастия входит мне в рану,
Всё ж не увидеть Тебе, как я падаю духом,
Стою на коленях в пыли и плачу.
Ибо Твоя сокровенная воля, Жестокий,
Неодолимо звучит в моем сердце,
И любить эту жизнь,
Эту безумную жизнь безумно и дико любить
Я средь всех испытаний,
Средь всех искушений еще разучиться не смог.
И Тебя тоже, и все извилистые Твои пути
Любит сердце мое, хоть порой над Тобой и смеется.
Да, я люблю Тебя, Бог, и люблю горячо
Этот запутанный мир, которым Ты правишь так скверно.
...Слышишь? Из дома напротив, где живет радость,
Доносятся пенье и смех,
Возгласы женщин и серебристый звон бокалов.
Но сладострастней и глубже,
Сильней, упоительней этих скромных утех
Жажда жизни пылает
В моей несчастной, голодной груди.
И яростно я исторгаю
Из глаз бессонных усталость,
Пью ночь и ветер, звездный свет и гряды облаков,
Чтоб трепещущим чувством наполнить
Ненасытные недра души.

<Сентябрь 1914>

БЕЛАЯ РОЗА В СУМЕРКАХ

Смерти сумрачной в ответ,
Взор печально клонишь долу,
Призрачный вдыхаешь свет,
Внемя теней ореолу.

Но, как песня, в тишине,
В темном, тайном колыханьи
Целый вечер слышен мне
Милый зов — твое дыханье.

Как дитя, скрывая дрожь,
Безымянной ищешь грезы —
И с улыбкою умрешь
Ты во мне, сестрица роза.

<Январь 1915>

ПОТЕРЯННОСТЬ

Бреду на ощупь в тишине ночной,
Магический во тьме пылает круг,
Протоптанной иль проклятой тропой —
Иду, куда укажет сердцу дух.

Действительность, что вам дана в удел,
Меня не раз призывно окликала!
Я трезвым взором ей в лицо глядел
И крался прочь от страшного оскала.

О теплый дом, что холодной мглой обьят,
О милый сон, погасший, как ночник!
Заблудший дух спешит к тебе назад,
Как ищет вод морских лесной родник.

Мне внятен тайных песен чистый тон,
Волшебных птиц блистает оперенье;
И вновь зовет меня забытый сон:
Златые нити, пчел медвяный звон
И материнской ласки утешенье.

<Февраль 1918>

ДОЖДЛИВАЯ ПОРА

Долгой песней льется голос дождевой,
Льется дни и ночи напролет,
Сонно влажной шелестя листвою,
В облаке незбылемом плывет.

Так звучал в далекой стороне
Мне китайской флейты длинный клик,
Что парил в тончайшей пелене,
Чарами наполнив каждый миг.

Шум дождя, китайской песни зов,
Рокот водопадов и морей!
Что за сила сквозь мирской покров
Тянет ваших тайн испить скорей?

В ваших душах — древний, вечный глас
Без начала, смены и конца,
Тот, что породил когда-то нас,
Тот, чей отзвук нам палит сердца.

<13.4.1918>

БЛИЗ АРЧЕНЬО¹

Здесь мне знакома каждая тропа;
Бреду, как встарь, отшельничьей стезей,
Чуть моросит весенний робкий дождь,
Трепещет на ветру листва берез,
Сырой утес, как зеркало, блестит..
О камни, о тропа, о шум берез,
Как вете вы древним волшебством
Святой земли, чья девственная прелесть
Стыдливо скрыта меж суровых скал!
В охряно-мглистой роще расцвела
Самозабвенно дикой вишни ветвь.
Здесь мой священный край, здесь был я сотни раз
Влеком дорогой тайной в глубь себя,

¹ Арченьо — городок в швейцарском кантоне Тессин (Тичино) на берегу Лаго-Маджоре, где любил бывать Г. Гессе.

Ища души укромные ущелья, —
И ныне вновь, хоть с чувством уж иным,
Но с прежней целью тот же путь вершу.
Порхают вольно мысли-мотыльки,
Что много лет среди камней и дрока
Я в зной и в дождь неистово ловил, —
Примите ж, камни, роща, дол, ручей,
Примите вновь благоговейный дар
Распахнутого сердца, что готово
Святыне вашей ревностно внимать.

<Апрель 1918>

СЕСТРА СМЕРТЬ

Знаю, ты за мной придешь,
Руша жизни крепь,
И уймется в сердце дрожь,
И порвется цепь.

Реешь, блекла и чужда,
Ты за далью дней,
Как холодная звезда,
Над нуждой моей.

Но грядет твоя пора
Сенью огневой —
Здравствуй, милая сестра,
Обними: я твой!

<31.7.1918>

ПУТЬ В ОДИНОЧЕСТВЕ

Отмирает мир,
Догорают все радости,
Что любил ты когда-то;
Их пепел пророчит тьму.

В самом себе
Ты нехотя тонешь
Под гнетом чьей-то сильной руки,
Коченеешь в безжизненном мире.

За спиной прерывисто плачет
Эхо потерянной родины,
В нем детские голоса и нежная песнь любви.

Тяжек путь в одиночестве,
Тяжелее всего, что познал ты, —
Даже грез источник иссяк.
Но поверь: на исходе пути
Вновь обретешь ты родину,
Смерть и второе рождение,
Могилу и вечную Матерь.

<19.12.1918>

ПРОБУЖДЕНИЕ В НОЧИ

Лунный свет проник в окно,
С тяжких век снимая бремя:
Бледной мглой озарено,
Новых грез приходит время.

За волнистой белизной —
Черно-синяя громада,
Купол бездны неземной,
Дрожь свечей и блики ада.

Вот безмолвные дворцы
Восстают из тьмы и света,
Площадь, плаха, пир, венцы,
Пляски, буйства, праздник лета.

И душа, восхищена
Ветхих истин самовластьем,
В лучший мир скользит из сна,
Упиваясь новым счастьем.

<Февраль 1919>

МИР — НАШ СОН

Спящий город, люди, тени,
Сонмы грозных наваждений,

Всё, что тянется в сознание
Из ночных глубин души, —
Образ твой, твоё создание,
Сон в тиши.

Днем пройдишь по переулкам,
В облака взглядишь и в лица —
Ты увидишь: в мире гулком
Тот же сон бесечно длится!
Всё, что дышит, вьется, реет
Бесконечно пред тобою, —
Всё в тебе от века зреет
Сном, взлелеянным душою.
В дебрях духа вечный странник,
То волшебник, то изгнанник,
Ты — глашатай и хранитель,
Ты — творец и разрушитель.
Нить священного обмана
В нас прядет забытый бог:
Небо, бездны океана,
Целый мир — наш сонный вздох.

<Март 1919>

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Старый год, ты свой окончил бег:
Взгляд увял, волосы осыпал снег,
Смерть сокрылась в поступи больной —
Умирая, я бреду с тобой.

В сердце входит затаенная дрожь,
Так тревожно спит под снегом рожь.
Сколько сучьев ветер обломил,
Но рубцы лишь придают мне сил!
Сколько раз я смертный пил угар!
В каждой смерти — возрожденья дар.

Открывай же, Смерть, свои врата!
Песня жизни вечна и чиста.

<Декабрь 1919>

МОЛИТВА

Дай, Боже, мне отчаяться в себе,
Но не в Тебе!
Дай мне вкусить всю горечь заблуждений,
Дай мне гореть в огне земных мучений,
Дай мне терпеть позор и срам,
Не помогай идти мне,
Не помогай расти мне!
Когда ж себя разрушу сам,
Дай мне узреть,
Что здесь Ты был,
Что Ты огонь и муки породил,
И смерть мне будет в радость,
И тленье — в сладость,
Ведь лишь в Тебе смогу я умереть.

<Май 1921>

НОЯБРЬ

Всюду увяданья тусклые картины,
Страх и мука в днях таятся блеклых,
Ночью — стынь, поутру — лед на стеклах;
Полон мир предчувствием кончины.

Выучись, мирской внимая тризне,
Умиранья мудрости священной.
К смерти будь готов — и, восхищенный,
Ты войдешь под своды высшей жизни!

<1921>

ЛЮБЯЩИЙ

Твой нежный друг лежит в ночи без сна,
Еще согрет, еще пленен тобой,
Волшбою глаз, волос, дыханья... О луна!
О ночь! о звезды в дымке голубой!
В тебя, любимая, растет мой сон,
Как в глубь морей, ущелий, горных гряд,
Он в пенной мгле прибоя распылен,
Он — солнце, корень, зверь, —

Лишь в нем теперь
Живу, тобой объят!
Кружит Сатурн, мерцает лунный блик,
Но в бледном свете твой лишь вижу лик,
Смеюсь и плачу в упоенье,
Ни мук, ни счастья нет,
Лишь ты, лишь ты и я — забвенье
Во всеохватной глубине,
Где ищем мы иного,
Где гибнем мы, чтоб возродиться снова.

<Июль 1921>

ЧУДО ЛЮБВИ

Как часто жизнь свой замедляет ход
И черной мглой встает —
О, жутки дни душевной смуты,
Когда самим себе мы злобно горло рвем
И с ненавистью к Богу вопием,
Бессильны разорвать тоски стальные пути!

О чудо, коль глухою той порой
Любовь во тьме ночной
Нам тихим светом просияет!
Когда б не милосердный этот знак,
Мы б канули навеки в адский мрак,
Где Божья искра угасает.

<Февраль 1922>

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Вот опять слетает с ветки лист,
Вот опять увял цветок весенний,
Вновь меня окутал зыбкой сенью
Жизни сон, бестрепетен и мглист.

С пустотой стою наедине;
Вдруг в ночи далекое светило
Небосвод надеждой озарило
И с улыбкой близится ко мне.

О звезда, что ночь мою зажгла,
Дар благой, что милостью зовется,
Слышишь, как из тьмы сердечной рвется
Ввысь к тебе безмолвная хвала?

Видишь — взор мой полнится мольбой?
Долго, долго ждать тебя я буду,
Плакать вновь и радоваться чуду,
Лишь тобой ведомый и судьбой.

<Июнь 1924>

БЕССМЕРТНЫЕ

Вновь, клубясь над дольными полями,
К нам восходит жизни душный чад:
Пьяный пыл, нужды крошечный ад,
Дым костров, зажженных палачами,
В судорогах темных вожделений,
Злобы, крови, алчности, молений
Копшится человеческий рой,
Смрадно тлеет, затхлый и сырой,
Дышит похотью и жаждет чувства,
Жрет себя и выблевать спешит,
Сеет войны и плодит искусства —
Рдеющих страстей прекрасный шит,
Плотки рвет, блудит, глодает кости
В пестрой гуще площадных забав
И вздымает волны дикой злости,
В слякотное месиво упав.

В ледяном мерцании эфира
Мы царим, не ведая седин,
Безразличны к превращениям мира,
Нет средь нас ни женщин, ни мужчин.
Ваши страхи, ваши злодеянья,
Грех и стыд, что вас гнетут всечасно,
Как игру светил, следим бесстрастно
Мы на мрачной сцене мирозданья.
Равнодушно гул земной вбирая,
Равнодушно звезды озирая,
Пьем пустот вселенских зимний дух,
Как Дракон, во тьме небесных впадин;

Хладен и недвижим вечный наш досуг,
Вечный смех наш серебрист и хладен.

<8./9.2.1926>

СОН О РАЕ

Здесь реет запах голубых цветов,
Белеет лотос вещим взглядом феи,
Молчат заклатья в зелени листов,
Сквозь тень ветвей недвижно смотрят змеи.
Меж лепестков набухли густки плоти;
С тигриным блеском в алчущих глазах,
Застыли девы бледные в болоте,
Алеют розы в длинных волосах.
Здесь влажный дух зачатия и соблазна,
Греховой страсти и запретной ласки;
Из сонных недр в объятия нежной сказки
Влекут плоды заманчиво и властно,
Исполнен вожденья каждый вздох
И пухнет грудь, от сладости неменя;
Как будто глядя бархат женских ног,
Скользят лукавыми глазами змеи.
Во всех вещах разлито волшебство,
Они манят, пестры, неисчислимы,
Я всюду чувствую священное родство:
Здесь царственны тела, здесь души зримы.
И, вызревая в благостной тоске,
Стократ умноженный в бескрайнем мире,
Я растворяюсь в женщине, в цветке,
В ручье, в лесу, в пруду, в небесной шире;
Оперена бессчетными крылами,
Душа парит, творя текучий миф,
И, тысячеязыкий, словно пламя,
Я гасну вмиг, Вселенную вместив.

<Февраль 1926>

О, В ПОЗДНИЙ ЧАС

О, в поздний час брести сквозь ночь домой,
Познав обман любви и горечь мук,

На бледный небосвод взирать с тоской,
Где мрачный Орион свершает круг,

И дома, подле гаснущей лампы,
Томиться в одиночестве постели,
С клубком желаний в изможденном теле,
Напрасно жаждать сна, мечты, отрады,

В теснинах памяти искать забвенья,
Растратив дни в безумной круговерти,
И знать одно лишь в мире утешенье:
За долгом жизни ждет нас право смерти!

<Март 1926>

ИНДИЙСКОМУ ПОЭТУ БХАРТРИХАРИ

Как ты, мой брат и предок, я бреду
Сквозь жизнь зигзагом меж страстями и духом,
То мудр, то глуп, то сердцем Бога жду,
То гласу плоти внемлю жадным слухом.
И чресла предаю, как двум бичам,
Я похоти и самоистязанью —

Монах, распутник, жрец и зверь; мой срам
Во мне кричит, взывая к покаянью.
Двойной тропой иди мне, грех смывая,
Двойным огнем дотла себя сжигая.

Те, кто вчера святым меня считал,
Зрят ныне, как развратником я стал,
Те, кто вчера лежал со мной в растлении,
Зрят ныне, как стою я на моленьи;
Оплеван всеми, проклятый изгой,
Любовник лживый, иннок недостойный,
Вплетаю я в венец терновый свой
Меж алых роз цветок презренья гнойный.
Двуликий, вижу мира светлый лик,
Себе и людям враг, скитаюсь по дорогам,
Но знаю: вес деяний невелик,
Ничтожней пыли все они пред Богом.

И знаю: мой бесславный, грешный путь
Дыханьем Божиим осенен незримо,
Я глубже должен пасть, неисследимо
В дурмане зла и страсти утонуть.

Страданий темен смысл. Им нет конца.
Нечистыми, порочными руками
Я утираю пыль и кровь с лица —
Лишь знаю: путь мой свят под небесами.

<Август 1926>

СЕНТЯБРЬ

Хмурится сад печальный,
Стылый дождь оросил растенья.
Лето в тоске прощальной
С тихим трепетом ждет забвенья.

Акация с кроны густой
Сыплет золотом листопада.
Лето сияет бледной красой
В умирающей дреме сада.

И долго реет, как майя,
В жажде покоя, меж сонных роз,
Медленно закрывая
Глаза, шальные от грез.

<23.9.1927>

ГОЛУБОЙ МОТЫЛЕК

Мотылек — словно сколок
Лазурной глади небес,
Перламутровый всполох,
Блеснул, просиял, исчез.
Так, мгновением ока,
В наваянный снами час
Счастья луч издалека
Блеснул, просиял... погас.

<Декабрь 1927>

РЕЧЬ

Светилам дан язык лучей,
Цветам — язык благоуханья,
Язык туманов и дождей
Дан небу. В храме мироздания
Живет немолчный, страстный зов:
Из тьмы вещей, немой и тленной,
Согласьем жестов, красок, слов
Извлечь сокрытый смысл вселенной.
Здесь чистый творчества исток:
Мир жаждет слова, откровенья,
Из уст людских вещает рок
О вечном свете постиженья.
Стремится к речи всё живое,
Войти в число и слово, в цвет и тон —
В них естество души глухое
Заклятьем зиждет смысла вышний трон.

В словах поэзии простой,
В соцветьи голубом и алом
Творенье свой находит строй,
Свое бессмертное начало.
И там, где звуком полон стих,
Где льется песнь, царит искусство,
Рождая в каждый новый миг
Вселенной душу, смысл и чувство;
И в каждой книге — тайны нить,
И в каждом образе — открытие,
Попытка сызнова явить
Живого вечное событие.
Вступи же в эту простоту:
Стихи и музыка манят
Постичь творенья пестроту,
В зеркало жизни бросив взгляд.
Наш темный мир так много значит,
Лишь стоит в стих его облечь:
Цветок смеется, небо плачет,
Повсюду — смысл, в молчаньи — речь.

<3.2.1928>

ПОЭТ И ЕГО ВРЕМЯ

К священному служению призван снова,
Ты стойко терпишь праздной жизни бег,
Но не дает безблагодатный век
Тебе ни риз, ни кафедры, ни слова.

Будь счастлив тем, что, на потеху миру,
Одним лишь зовом движим сквозь тщету,
Презрев страстей и славы пустоту,
Ты бережешь свой клад нетленный — лиру.

Пусть брань тебя не тронет площадная,
Пока звучит в тебе священный глас;
Чуть смолкнет он в сомненьях — станешь враз
Безумцем жалким, изгнанным из рая.

Достойней жертву приносить в страдании,
Отвергнув мира суетный порыв,
Чем стать царем, изменой осквернив
Мучений высший смысл — твое призванье.

<31.8.1929>

ПАЛОМНИЧЕСТВО В СТРАНУ ВОСТОКА

От братии отстав, неведомой тропой
Влачит паломник путь по запустению
Времен и вех — с отчаянной мечтой
Отдаться вновь высокому служенью:
И грезится ему в палящий зной
Далекий берег с пальмовою сенью.

Бродягу осмеет жестокий мир
На площадях мальчишечьей оравой;
Но, словно Мемнон, сумрачный кумир,
Он каждый луч зари встречает славой.
Он — Дон Кихот, что предвкушает пир
В волшебном замке феи величавой.

И сквозь толпу грумящихся ребят,
Сквозь кровь и пыль внезапно устремится
На Дон Кихота восхищенный взгляд, —

И даст обет пред Богом юный брат,
И в путь к священной пустится гробнице.

<28.3.1932>

НО ТАЙНО ЖАЖДЕМ

Воздушной арабеской, нежным сном
Является нам жизнь, как фей круженье,
И в сладком танце жертвоприношения
Небытию себя мы предаем.

Прелестных грез шальное волшебство
Созвучий чистотой так тихо веет, —
Но глубоко под светлой гладью тлеет
Кровавое ночное естество.

Свершает в пустоте свой праздный круг
Беспечно жизнь, к игре всегда готова,
Но тайно жаждем действия мы иного —
Зачатая, рождества и смертных мук.

<Декабрь 1932>

ЕЩЕ МЫ ПОЛНОСТЬЮ НЕ РОЖДЕНЫ

Еще мы полностью не рождены:
Мы — лишь попытка, что от века длится;
Но, верой в цель творения полны,
С Единым, Высшим уповаем слиться.
Земной природы хрупкие сыны,
К заветной цели обращаем лица:
Окрепнув в Боге, духом окрылиться.

<18.3.1933>

БАБОЧКИ ПОЗДНИМ ЛЕТОМ

Пора прекрасных бабочек настала;
Над флоксами плывут со всех сторон
В неслышном танце крылья-опахала:
Медведица и пышный махаон,
Репейница, ночница, голубянка,
И робкий бражник, и павлиний глаз,

И адмирал, и дафна, и пестрянка.
Сверкая многоцветною парчой,
Парят они, как феи, в знойный час,
Величественно, скорбно и устало,
Немые гости сказочного бала,
Окроплены медвяною росой
Златых лугов Аркадии блаженной, —
И в грезах нас уносят на Восток,
К святой отчизне, сердцем вожденной,
И чудится в их вести вдохновенной
Нам высшей жизни сладостный залог.

О символы красоты недолговечной,
Тревожно-хрупкой, праздно-скоротечной,
Печальные служительницы света
На торжестве стареющего лета!

<20.8.1933>

ДУМА

Дух божествен и вечен.
Ему навстречу мы, образ его и орудие,
Путь свой вершим; сердцем тоскуя, жаждем
Стать мы, как он, светом его воссиять!
Но смертны и немощны мы, глиняные создания,
Тягостной ношей стало нам тварности бремя.
Мягко окутала нас теплом материнским природа,
Грудью нас кормит земля, колыбель и могила лелеют, —
Но природа не защитит нас:
Материнские чары ее пронзает
Бессмертного Духа всполох
Отцовский, творит из младенца мужчину
И, стереж невinnostь, влечет нас
К борьбе и познанию.

Так — меж матерью и отцом,
Так — меж плотью и духом
Медленно зреет хрупкий младенец.
О человек! трепетная душа! среди сущих

Даны лишь ему глубины страдания и высшие блага:
Вера, надежда, любовь!
Тяжек путь его, грех и смерть его пища,
Часто блуждает во мраке он, часто было б
Лучше ему никогда не родиться.
Но лучится вечно над ним его страстная жажда,
Его призвание — свет, божественный Дух.
И чувствуем мы: на этой тропе тернистой
Любит его Предвечный особой любовью.

Потому-то нам, братьям заблудшим,
Открыта любовь и в раздоре,
Не осуждение и злоба,
Но любовь — та, что долготерпит,
Любящих душ терпенье
Нас приблизит к священной цели.

<20.11.1933>

ОБ ОДНОЙ ТОККАТЕ БАХА

Предвечное безмолвье... Тьмы покров...
Вдруг — луч пронзает толщу облаков,
Из бездн слепых глубь мира вырывает,
Пространства строит, светом роет мрак,
Хребтов, ущелий, гор являет зрак,
Лазурь небес и плоть земли вскрывает.

Мечом творящим рассекает он
Вещей утробу, пламя дел взметая,
И потрясенный мир горит, гудит:
В нем семя света душу бережит,
Гармоний дивным строем прорастая, —
То жизни гимн, Творцу хвалебный звон.

И длится гул торжественным изводом,
И, богозданную вздымая новь,
Поток великий вспять, к Отцу, течет.
Он сладость и нужду, песнь, образ, речь влечет,
Над миром зиждет мир соборным сводом,
Он — зов, борьба и счастье, дух, любовь.

<10.5.1935>

ВЕЧЕР В ТЕССИНСКОЙ ДЕРЕВНЕ

В мерцании красок золотых
Стоят дома большой семьей,
Их зачарованный покой
Молитвен, благостен и тих.

Срослись друг с другом и с холмом,
Родные склоны облепив,
Просты и древни, как мотив,
Что с детства каждому знаком.

Убоги кровли, камень стар, —
Нужда и гордость, скорбь и свет, —
Они струят свой тайный жар
Лучу закатному в ответ.

<19.05.1935>

ОРГАН

Гулкий вздох — и снова громом полнит своды
Звук органа. В трепете глубоком
Внемлет паства многогласным токам
Слез, томленья, ангельской свободы —
Музыке, что ввысь растет волнами
И, блаженными объята снами,
Зиждет неба звучные просторы,
Где в священном, ревностном круженье
Реют золотых созвездий хоры,
К Солнцу вознося мольбу и пенье;
И сияет космос бесконечный,
Как кристалл, огнем светил зажженный,
И, в несчетных гранях отраженный,
Божий Дух творит свой образ вечный.

Как рождает нотная страница
Столько гласов, просвещенных духом,
Столько звезд, вселенных, постижимых слухом
В трубном хоре, словно заклинанье?
Разве с этим чудом что сравнится?

Как простым касаньем мануала
Музыкант объемлет мирозданье?
Как во мгле соборного убранства
Люди слышат вечное начало,
Что влечет в звенящее пространство?
Труд веков, десятков поколений,
Сотен мастеров и подмастерьев,
Тысячи полночных долгих бдений
В стройных звуках этих песнопений.

Тихо внемлют гимнам органиста
В небесах, сверканьем озаренных,
Души мастеров, замороженных
Дел своих торжественным итогом.
Ибо тот же Дух, что дышит ныне
В фугах и токкатах, осенял незримо
Тех, кто стены клал неколебимо
И в холодном камне высекал святыни,
Кто допреж ваятелей и зодчих
В этих землях жил, страдал, молился,
Праведников, мудрецов и прочих,
Чьим раденьем миру храм явился.
Зов столетий в образе всецелом
Полноводьем звуков льется чисто,
Возводя секвенций вереницы
Ввысь, где Дух-Творец хранит границы
Меж страстью и волей, меж душой и телом.
В чудных тактах, осиянных Богом,
Зреют тысячи людских мечтаний,
Никогда, никем на свете этом
Не исполненных; но их всевластье —
Высший жребий, давший человеку
Вознестись из тьмы, нужды, несчастья
К Божеству, к спасенью, к золотому веку.
Из волшебных дебрей нотных знаков,
Из ветвистой тайнописи штилей,
Из бесчисленных стройных сочетаний
Клавиш рвутся к небу сонмы дивных зраков,
Устремляя души к вечной цели,
Озаряя мрак людских усилий

Искрой звука. И струятся трели,
Востекая лестницей небесной,
И сердца парят над темной бездной.
Грезить Солнцем суждено планетам,
Тьма извечно стать мечтает светом.

Органист играет; следом люди,
Верною ведомые рукою,
Ангельскою шествуют тропой,
Рдея тайным знанием о чуде,
И, достигнув вышнего порога,
Зрят в благоговеньи облик Бога,
Триединству внемля с детской верой.
Духом вольности, священной мерой
Таинства проникнута община,
В горней бестелесности едина.
На земле ж всему, что совершенно,
Краток срок: гнездится сокровенно
В мире рознь и в красоте — истленье.
Песнь слышав, в храм заходят гости,
Чают обрести покой в моленьи,
В звуках, чуждых горечи и злости.
Но, пока над лесом труб органных
Высятся мелодий древних своды,
Благостных, смиренных, богозданных, —
Там, вовне, бегут потоком годы,
Мир и души напрочь изменяя.
Люди ныне уж не тем влекомы,
Молодая порось — им едва знакомы
Этих чистых, правильных канонов
Сложные сплетенья, старомодным
Кажется им всё, что так красиво
И священо было, их свободным
Нравом движет ныне страсть иная,
Строгий дух незыблемых законов
Им не мил, их юность тороплива:
Мир спасенья ждет от войн и глада.
Не насытит дерзостного слуха
Музыка, исполненная лада,
Чересчур молитвенно-бесстрастна

Красота размеренных созвучий,
Торжества иного жаждет ухо, —
Лишь порой, в стыдливом содроганьи,
Внятен сердцу властный и могучий
Зов органа, как напоминанье
О тоске души. Жизнь быстротечна,
Жаль им время проводить беспечно
В этих играх праздно-отрешенных.
Вот уже из многих посвященных
В храме горстка избранных осталась.
Вот еще один встает, уходит,
Согнут, стар, не в силах одолеть усталость,
Молодость в измене упрекает
И, вздохнув, навеки умолкает.
Молодым же снятся звуки битвы:
Ни алтарь священный, ни молитвы,
Ни токкаты нынче уж не в моде, —
И собор, что прежде был в народе
Чтим и славим, реет древней тенью
Над бурлящим градом, преданный забвенью.

Но живет нетленно в средостении холодном
Музыки небесное дыхание.
Восседа в забытии отрадном
Над певучим трубным колыханьем,
Музыкант седой с улыбкой внемлет
Гласам, что густой ветвятся чашей,
Строгих фуг степенному наитью.
Всё нежнее, трепетнее, слаще
Звук его игры, тончайшей нитью
Вьется фантастический орнамент,
Крестит небо златотканым дивом;
Движимы томленьем благодатным,
Голоса теснее льнут друг к другу,
Чтобы, вторя солнечному кругу,
Вознестись в парении счастливом
И, сомлев, истаять облаком закатным.

Скорби чужды светлые седины,
Хоть ни мастеров, ни паствы, ни общины

Рядом нет, хоть молодость шальная
Уж не чтит законов и едва ли
Смысл и строй фигур постичь готова,
Хоть следов утраченного рая
Не обрящет память в благостном хорале,
Хоть никто средь юных поколений
Ныне выстроить не сможет снова
Эти своды и исполнить смысла
Древних таинств образы и числа.
Пусть волна безудержных стремлений
Лихорадит города и земли —
Одиноким, в полумраке храма
Призрачно царит блаженный старец
(«Полоумный», — скажет молодость шальная)
И прядет воспоминанья рая,
Вечный смысл являя тонкой тканью
Самых тихих, тающих регистров,
И ступени фуг возводит к знанью
Божьих тайн, что уху внятны свыше, —
А вокруг над старым органистом
Только дух бывшего шелестит всё тише
Ветхим шелком, что в ущельи мгlistом
Меж колонн устало осеняет ниши.

И не знают, то ли старый гений
Жив донныне, то ли гласы эти,
Что кружат, сплетаясь, в тусклом свете,
Лишь скопления призрачных видений,
Отзвуки исчезнувших столетий.
Изредка задержится у входа
Человек, откроет дверь несмело,
Вонмет песнь, что льется из-под свода
Отчим словом, полным чистой, строгой
Мудрости, которой нет предела, —
И с душою, звуками смущенной,
Медленно пойдет своей дорогой
И расскажет другу с тайною тревогой
О твердыне, песнью освященной.
И течет подземными путями
Вечная река — лишь временами

Вспыхнет звук над гулкой темнотою;
Кто услышит, к тайне прикоснется,
И святая жажда вдруг проснется
В сердце, опаленном красотой.

<Апрель-май 1937>

ПАМЯТЬ

Кто будущим влеком,
Те к цели рвутся вечно,
И в жизни скоротечной
Покой им незнаком.

О, если б грезить вечно
Я в настоящем мог!
Но лишь дитя и Бог
Владеют им беспечно.

Ты, прошлое, одно
Поэтам утешенье.
Заклятье и хранение
Постигнуть нам дано.

Поблекший лик былого
Блеснет улыбкой мне
В священной тишине,
Где память просит слова.

В минувших снах тонуть,
В далекой детской сказке
И материнской ласке —
Вот наш блаженный путь.

<20. I. 1945>

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Сухим дыханьем веет ночь,
Над лесом бледен взор луны.
Какая мука гонит прочь
Мои встревоженные сны?

В ночной тиши покоя нет;
Чей голос сердце мне вспугнул,
Как будто в памяти мелькнул
Забытых истин смутный след?

Готов бежать я, бросив дом
И сад, и край, что мне так мил,
На властный зов волшебных сил,
В далекий мир, за окоём.

<17.2.1946>

ВЕЧЕРНЯЯ ГРЕЗА

Тяжко, сердце, бьешься ты,
Вспять глядишь в тоске:
Резвой юности мечты
Выются вдалеке.

Вырастает из-за туч
Сновидений рой,
Красит их закатный луч
Кистью золотой.

Блещет мир, далек и нов:
Узнаю с трудом
Звездный купол детских снов,
Детства милый дом.

Грезы нас влекут из тьмы,
Словно чуждый след:
В царстве света жаждем мы
Обратиться в свет.

<Ноябрь 1952>

СВЕТ РАНИ

Лоно, младость, жизни час рассветный,
В толще лет стократно погребенный,
Запоздалой весточкой заветной
Проникаешь в душу ты глубоко,

До корней, до спящего истока,
Нежный свет, родник новорожденный!

Жизни шлейф меж «некогда» и «ныне»
С чередой восторгов быстротечных
Меркнет вмиг; я внемлю благостыне
Присно-юных, сказочно-предвечных
Песен, что в младенчестве звучали,
Словно сладкий зов волшебной дали.

Над унылой брэнностью мирскою,
Над юдолью горестных блужданий
Ты сияешь вечной чистотою,
Зорь источник, свет небесной рани.

<16—17.9.1953>

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

О дождь, осенний дождь,
Горы в пепельной дымке,
Деревья, устало роняющие листву!
В запотевшие окна глядит
Хворый год с тоской расставанья.
Зябко кутаясь в мокнувший плащ,
Ты выходишь в лес. На опушке
Резвятся в поблекшей листве
Лягушки и саламандры,
И по тропкам бежит
Бесконечный бурлящий поток,
Разливаясь в траве возле фикуса
Терпеливой запрудой.
А с дольной колокольни
Плывет протяжно-устало
Тяжкий звон погребальный
О ком-то из деревни.

Милый друг, не печалься
Ни о погребенном соседе,
Ни о счастье минувшем лета,
Ни о празднике юности!

В тихой памяти всё продолжается,
Длится в слове, в образе, в песне,
Вечно готовое к огненному возвращению
В обновленных, чистейших одеждах.
Пусть бывшее в тебе претворится —
И раскроется в сердце твоём
Радостной веры цветок.

<25.10.1953>

СТРАННИК ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

В просветах серых меж ветвей,
Белея, сыплет с неба первый снег,
Летит, летит... Как смокло всё кругом!
Ни шелеста листвы, ни птичьих стай,
Мир бел и мглист — и тихо, тихо.

Умолк и странник. Пестрые просторы
Он долго звонкой песнью оглашал
И вот — затих, устав от ликованья,
Устав скитаться, славить, петь.
И чудится ему: из холодной мглы
Слетает сон, и мягко сыплет
И сыплет снег...

Из дальних весен, из туманных грез
Младого лета воскрешает память
Видений бледных рой:
Цветущей вишни дымка в синеве,
Той милой синеве —
Трепещет нежно юный мотылек
Коричнево-золотым крылом —
В лесной прохладе влажной летней ночи
Томительно-протяжный птичий зов...
Кивает странник образам родным:
Как славно было! Вновь и вновь кружат
Былого блики, вспыхивают, гаснут:
Волшебно-темный взгляд любимых глаз —
Ночь грозовая, ветер в камышах —
Вечерние напевы чьей-то флейты —
Крик резкий сойки в утреннем лесу...

Всё сыплет, сыплет снег. А странник
Внимает флейте, кликам птиц,
Что сердце трогали когда-то:
О дивный мир, как ты безмолвно-пуст!
Неслышно он бредет сквозь белизну
В родимый край, давно забытый,
Что с нежной силой в путь зовет:
Там милый дол, ручей, ольшаник,
Там площадь, старый отчий дом,
Там под увитою плющом стеною
Родители и предки ждут.

Ни шелеста листвы, ни птичьих стай...

<Сентябрь 1956>

СОН

В залу вхожу с испугом:
Всюду чужие лица...
Медленно, друг за другом,
Блекнут огни и длится
Призрачное мерцанье
Средь полумглы слепящей.
С трепетом узнавания
В памяти чутко спящей
Нахожу, как в бреду,
Эти чужие лица.
Слышу имен череду:
Предки, друзья, родные,
Дамы, поэты, провидцы, —
Все, кого в детстве я чтил,
Мимо скользят, иные,
Сонмом бледных светил.
Словно свечное пламя,
Тают в ничто, без слов,
В сердце, как в скорбном храме —
Эхо забытых стихов,
Темной осев тоскою
По святому покою
Дней, что дальней рекою
Гаснут в сумерках снов.

<21.9.1958>

ДРЕВНЯЯ СТАТУА БУДДЫ В ЯПОНСКОМ ЛЕСИСТОМ УЩЕЛЬИ

В смиреньи жертвенном снося метели,
Морозы и дожди, поросший мхами,
Твой сонный лик с поблекшими щеками
Безмолвно обращен навстречу цели —
Желанному распаду, растворенью
В нирване, в беспредельном древнем храме.
Еще венчает царственной тенью
Тебя воспоминанье об отчизне,
Но внемлешь ты земле, скудели, тленью,
В пустотах форм ища истоки жизни;
Ты станешь корнем, шумом пышной кроны,
Водой, что явит неба бесконечность,
Морской травой, плющом, увившим склоны, —
Текущий образ, воплотивший вечность.

<14.12.1958>

МАЛЕНЬКАЯ ПЕСНЯ

Рифмы радужный блик,
В сумерках сказочный миг,
Тающих звуков сладость,
Скорбный Мадонны лик,
Жизни горькая радость...

Бурей сметенный цветок,
Свежий могильный венок,
Грез недолгие дали,
Звезд упавших покой:
Мгла красоты и печали
Над пучиной мирской.

<24.5.1962>